

© 1993 г.

С ГНЕВОМ И ГОРЕЧЬЮ (письма социологов двух стран)

Поздней весной 1992 г., собираясь в заокеанскую научную командировку, я как-то неожиданно для самого себя сел за письменный стол и за один вечер написал «Письмо из России американскому другу». Это было, скорее, личное письмо, не предназначавшееся для печати. Просто я решил каким-то образом собрать воедино мысли и чувства и познакомить с ними избранный круг американских друзей, время от времени одолевавших меня довольно однотипными вопросами или же демонстрировавших столь же однотипное восприятие России.

Так и появилось на свет мое письмо.

Обосновавшись сначала в Нью-Йорке, а затем в Миннеаполисе, я разослал свое послание по нескольким знакомым адресам. Со временем пришли ответы.

По возвращении в Москву я еще раз перечитал переписку с американскими друзьями. Два письма показали особенно интересными. Полагаю, что за перепиской стоят не только личные мнения и взаимоотношения, а нечто большее, некие социальные реальности, духовные ценности и ориентации. Хочется верить, что читатели увидят в письмах выражение определенных позиций по отношению к тому, что происходит и может происходить в России и США. И хотя участники переписки весьма далеки от высокой политики (если вообще ею интересуются), в ходе дружеской дискуссии всплывают некие реалии, характерные для национального сознания наших народов и духовной ситуации в наших странах. Это и натолкнуло меня на мысль предложить «избранные места» из переписки с американскими друзьями вниманию читателей журнала.

Выраженные в письмах точки зрения, думается, могут вызвать различную реакцию. Это-то и хорошо. Однако я намеренно уклоняюсь от комментирования публикуемых материалов.

Н.Покровский

Письмо американскому другу
Москва, Россия
май 1992 г.

Мой дорогой сэр!

Прости старомодное обращение, но это лишь дань давнишнему увлечению Томасом Джефферсоном и всем американским ХУШ веком. Извини и за то, что я не ответил на твои последние два письма. Наша жизнь здесь, в Москве, и во всей России идет столь непредсказуемым и ошарашивающим образом, что всякий раз, когда я собирался сесть за ответ, происходило нечто, в корне менявшее предварительный набросок письма, и я вновь откладывал в сторону свое послание к тебе. Сегодня удалось собраться с мыслями и рассказать о нашем житье-бытье.

Ты с большим беспокойством писал о распаде Советского Союза и о возможности выхода из-под контроля стратегического ядерного оружия, с отчаянием — о смещении Горбачева, восторгался появлением новых молодых экономистов, их программой перехода к рынку, начал восхищаться Ельциным и, наконец, с ликованием сообщил мне, что американское правительство выделило 24 млрд. долл. кредитов на стабилизацию российской валюты. Настроение твое, судя по письмам, то ухудшалось, то улучшалось. В любом случае спасибо за интерес к судьбам моей страны. Внимание всегда приятно. Заметил я также, что каждый раз ты как бы ожидал немедленной реакции, точнее, однозначной поддержки, полагая,¹ видимо, что все происходящее в пределах моего Отечества представляется

абсолютно ясным, особенно с твоего берега океана, и не подразумевает различных толкований. Не знаю, так ли это.

И еще одно. Я обратил внимание на то, что ты любишь слово «стабилизация». Чаше других оно встречается в твоих письмах, иногда в сочетании с выражением «любой ценой». Мне кажется, в твоих устах «стабилизация» звучит как магическое заклинание, которое облагораживает любое событие в наших краях и оправдывает любые политические метаморфозы.

Мой дорогой друг, я тоже по природе оптимист, люблю стабильность и хочу соответствовать твоим благородным ожиданиям, тем более, что они от чистого сердца. При всем том, однако, скажу: «Бог с ними — со всеми этими лидерами, молодыми экономистами, политическими деятелями и их обещаниями стабильности». Печальная правда состоит в том, что изменения, идущие на верхних этажах наших государственных структур, и новые лица, время от времени появляющиеся на Кремлевском холме, уже мало интересуют тех, кто и составляет основное население моей страны, т.е. всех нас. Любопытный парадокс состоит еще и в том, что вы, американцы, порой находите в этой политической веренице сменяющих друг друга руководящих деятелей несравненно больше смысла, чем мы, живущие в России. Конечно же, политическое руководство имеет большое значение для судеб страны (кто с этим спорит?), но только тогда, когда оно общается с самыми широкими слоями населения и когда страна более или менее управляема. В противном случае всякого рода рассуждения о политических программах и лицах на вершинах власти превращаются в «кремленологию» — своеобразную игру в политическое домино. И не более того. Будем же последовательными джефферсоновцами и признаем, что нет более высокой исторической инстанции, чем народ, люди, наконец. Не правда ли?

В качестве иллюстрации хочу напомнить тебе эпизод, вернее, эпизоды моей прошлой лекционной поездки по Америке. Помнишь, как года два-три тому назад американские слушатели укоряли меня в непонимании «русского вопроса», когда я осторожно пытался сказать среди прочего, что кроме мессии Горбачева у нас в России есть и многие другие многообещающие политические лидеры, скажем, Ельцин. Нет, я не пропагандировал Ельцина, просто, свято веря в знаменитый американский плюрализм, хотел указать на различные варианты, возможности, альтернативы, необходимость видеть перспективу и т.д. Ну что ж, теперь Горбачев канул в лету, а Ельцин становится его преемником по всей атрибутике «русского» монарха, а также преемником на посту узаконенной американской знаменитости. Пусть будет так. И теперь в Америке надо славить только Ельцина без каких бы то ни было вариаций. Правда?

Но вернемся к делам сегодняшним.

Были у нас большая надежда и вера в перестройку, гласность, абстрактную демократию, свободный рынок и во многое другое. Но шло время, и всякий раз что-то случалось, и все эти программы исчерпывали себя, а люди, их проводившие, исчезали из нашего поля зрения. Все это в итоге привело к тому, что называется «эффектом усталости металла» — если постоянно перегибать металлическую пластинку, наступает момент, когда металл «устает» и готов разломиться на две части. Устали и мы все — устали верить, устали быть обманутыми и тешить себя иллюзиями, устали смотреть на новые политические фигуры как на «избавителей» от всех бед, устали бичевать себя за истинные и мнимые грехи нашего прошлого и настоящего.

И даже демократия, которая казалась всем нам (и, естественно, мне, последователю Джефферсона) чудодейственным средством разрешения всех бед России, изрядно потускнела. Еще не родившись как следует, она превратилась в странную смесь, состоящую из нашего феодального наследия, театральщины и закулисных махинаций. Так, — что, если признаться по чести, народный дух близок к излому.

Поэтому, дорогой сэр, прости, что я не в состоянии разделить твои восторги по поводу тех или иных событий в России, которыми ты увлечен, иногда безмерно. В нашей переписке я пытаюсь снизить уровень восторженных эмоций и страхов по поводу «русского феномена» и перейти на уровень почти медицинского диагноза — трезвого, нелицеприятного, но

способного, быть может, стать началом врачевания. И тогда вспомним старинное медицинское правило: хочешь излечить тело, вначале лечи дух. Не здесь ли средоточие всех наших бед?

Ничуть не менее важным, чем политическая смута, является состояние национального сознания, национальной нравственности и психологии. Речь идет о том, как люди ощущают себя, на что надеются, о чем думают, верят ли кому-либо, какое настроение у них дома, на работе, на улице, часто ли они улыбаются, шутят... Походи по Москве, которую ты так любишь, посмотри на лица людей, едущих в метро, в пригородных электричках, и тебе не понадобятся сложные социологические исследования. Чувства, близкие к безнадежности, тоске, становятся повсеместными. Металл надламывается. Тот самый, который помог нам выиграть Вторую мировую войну и выстоять все эти 75 лет советской власти.

Наше молодое правительство часто ссылается на то, что в ответ на невиданное повышение цен и беспрецедентное для мирного времени падение жизненного уровня, поставившее 90% населения России ниже черты бедности, народ не восстал и не вышел на улицы, как многие со страхом ожидали. И это рассматривается как доказательство массовой поддержки политики правительства. Не знаю. Мне кажется, дело совсем в другом — наш народ все еще преисполнен извечного и унижительного долготерпения, которым, конечно, можно восторгаться издали, если угодно. Но долготерпение возвышает дух только тогда, когда впереди есть нравственная цель, объединяющая людей. В противном случае оно ведет к отчаянию и упадку.

В руках американцев, летящих на самолете в Москву, я часто вижу томики Достоевского и Толстого. Видно, многие твои сограждане до сих пор полагают, что сочинения этих великих писателей могут, до известной степени, служить путеводителем по закоулкам «загадочной славянской души» и помочь установить духовную близость с русскими. Увы, вынужден разочаровать тебя и других почитателей русской классики. Тот мир, к которому принадлежали и Достоевский, и Толстой, и Чехов, канул в небытие. Должно быть, навсегда. Мы, современные жители России, имеем мало, постыдно мало общего с нашими замечательными предшественниками. 75 лет невиданного по цинизму, беспощадности и антиинтеллектуализму тоталитарного режима трагически надломили «хребет» национального сознания, а вместе с тем и нашу нравственность, психологическую устойчивость, нашу Веру (с большой буквы). Роберт Мертон называет это состояние «аномией», т.е. радикальным разрушением социальных структур и нравственных ориентиров поведения людей.

От полной порабощенности и нравственной придавленности нация перешла к открытой борьбе за свое физическое выживание. Покинув тесную и душную камеру «развитого социализма», мы очутились в холодной пустыне, открытой всем ветрам. И так называемая коммунистическая нравственность сменилась борьбой за стакан молока для детей и внуков (увы, я не преувеличиваю). Недаром говорят: «из огня да в полымя». И у этой борьбы за выживание свои принципы, диаметрально отличные от этики, которую проповедовали Толстой и Достоевский.

Самое поразительное не то, что преступления против нравственности — публичная и изобличающая ложь, а скорее, примитивное вранье, неприкрытые махинации, торжествующий цинизм — стали привычными и повсеместными, а то, что народ смирился с этим и видит в них лишь сенсации-однодневки.

Я вполне допускаю, что политика и мораль — «две вещи несовместные». Как у вас, так и у нас. Еще Макиавелли убедительно это доказал. Но предел все-таки должен быть! Хотя бы какой-то. У вас он пока есть: США — страна с трехсотлетними демократическими традициями. У вас еще уходят в отставку за нарушение нравственных правил. У нас же этого нет и не предвидится.

В годы ненавистного брежневского «сна разума» многие верили, что Россия чудесным образом возродится, в ней повеет свободой, начнется цепная реакция освобождения духа. Но вот свобода, или видимость ее, вроде «бы пришла. И что же? Дух разбужен? Отнюдь.

Мы обнаружили, что темнота, прежде господствовавшая в России, скрывала пустоту — почти человеческую пустыню. Сад Толстого, Достоевского и Чехова вырублен и сожжен, и на родном пепелище почти нет новых ростков. Чему же удивляться, если наши современные писатели, художники, ученые-гуманитарии, да просто честные и думающие люди, коих немало, испытывают смятение и полнейшую растерянность. От сна разума мы очнулись и оказались в кошмаре общественной апатии и неверия во что бы то ни было. Как сказал Шекспир, «распалась связь времен». (В другом переводе — «век расшатался».) Все мы, люди,

любящие свое Отечество, свою культуру и историю, и с болью относящиеся к его настоящему, с великим трудом угадываем туманные черты будущего, а подчас и вообще теряемся в догадках. Речь идет не об отчаянии одиночек, а о состоянии общественного сознания. В душу входит вымораживающее ощущение пустоты, в нравственно-историческом вакууме отсутствует линия горизонта, нет направлений вверх и вниз.

Последние 75 лет сделали всех нас одновременно правыми и виноватыми, жертвами и палачами. Не правда ли, странно? Трудно, подчас невозможно сказать, кто есть кто, ибо сместились исторические оценки и нравственные критерии.

Я говорил о вакууме. Да, он уже здесь — и мы в нем. Вакуум — отнюдь не безобидная и не нейтральная среда обитания. Он вытравливает нормальные человеческие отношения, оставляя лишь социальные крайности, которые выходят на передний план и получают перевес. Поэтому в ближайшем будущем наша страна может стать землей обетованной только для двух категорий людей: для преступников и святых. И ни для кого больше здесь не будет возможности полноценно жить.

В прежние времена любовь и ненависть приводили к реакциям души, часто скрывавшимся, прорывавшимся наружу только в семейных дискуссиях «на кухне». Теперь даже в условиях относительной дозволенности публичных высказываний восторжествовало безразличие, которого никто не ожидал. Безразличие и усталость. Неважно, сколько человеку лет, он, по определению, уставший. Даже мои студенты^в университете — все до одного утомленные и угасшие, хотя, конечно, весьма симпатичные.

Дорогой друг, мне кажется, что подчас ты создаешь в своем воображении замечательный образ России, которую любишь, в которую сравнительно часто приезжаешь — ненадолго, конечно, — и куда ты посылаешь свои 24 млрд. долл. Но дело в том, что ни я, ни мои соотечественники не живут в этой России «по-американски». (Как и ты не живешь в американском Диснейленде.) Мы из «другой» России. Я попытался намекнуть, в каком направлении лежит эта страна. Я совсем не убежден, что ты обрадуешься моим откровениям, быть может, даже оспоришь их, но, что поделаться, мы договорились быть честными друг с другом.

Что произойдет в дальнейшем? Думаю, мы будем «выживать», откатившись на пару поколений назад и, как античный Сизиф, вновь примемся втаскивать камень на вершину горы. Других вариантов нет.

Правда, известные экономисты, и среди них Василий Леонтьев, пророчат, что полноценный свободный рынок установится в России лет через 70 лет. Допустим, что произойдет раньше. Но как воспринимать это нам, кому сейчас 30, 40, 50 лет? Иными словами, только внуки моих нынешних студентов начнут жить в цивилизованных условиях. С демографической и социологической точек зрения это абсурдно, ибо вся тяжесть выполнения реформаторских планов ложится на те возрастные группы населения, которые заведомо обречены на историческое рабство, т.е. тупой бесперспективный труд без всякой нравственной и материальной цели в рамках «этой жизни». А о воздаянии в загробной жизни говорить не будем. Ты и сам, мой дорогой, при всем своем истовом христианстве живешь строго по правилам этого мира, а не того, трансцендентного.

Итак, история уготовила нам «почетную» роль стать *gumus* для будущего процветания (быть может, мифического и иллюзорного) нации с неясно очерченными географическими границами, со смещенными политическими и нравственными ориентациями. По-видимому, в этом есть благородный элемент христианской жертвенности. Но может одна лишь жертвенность стать в нашем мире основой тотального реформирования крупнейшей нации? Не знаю. Не уверен.

Поэтому не очень удивляйся, когда твой ясноокий оптимизм в отношении перестройки, Горбачева, «замечательного будущего» реформ и всего прочего не встречает здесь безоглядного понимания. Зато тебя с полуслова понимают наши компатриоты, которые озабочены лишь одним — получением долларового барыша (не капитала!) в течение нескольких дней, недель, максимум пары месяцев. Они-то не будут разводить мерихлюндий по поводу исторических и духовных ценностей. Они уже давно «вычислили» всех приезжающих американцев и подобрали к ним ключи. Да Бог с ними. В конце концов, если ты

принимая «скоротечных» и «скоропортящихся» российских нуворишей за представителей поднимающегося класса предпринимателей, за «новых» русских, пусть будет так. Только прошу тебя, не объясняй ни себе, ни мне, ни другим, что ты выполняешь великую миссию помощи русским братьям. Вот это-то будет совсем лишним.

Ибо твое, в конечном счете, полнейшее непонимание реальной социальной ситуации в России множится на цепкий и расчетливый авантюризм наших «теневигов», теперь даже не утруждающих себя уходом в тень, — будь то высокопоставленные бюрократы или же шпана из коммерческих киосков.

Можно ли что-нибудь сделать со всем этим? Наверное, да. Ведь я оптимист и не призываю к смирению и коллективному самоубийству. Напротив. То, что потеряно, может быть найдено или восстановлено заново. Почему так думаю? Да потому, что знаю, сколько замечательных людей по-настоящему обитает в пределах нашей страны. Нет, друг мой, я не только о физиках-ядерщиках веду речь, а о грандиозном национальном страдании, которое кристаллизовалось в судьбах и характерах людей, разбросанных по всему белу свету. Ты скажешь, это не материал для экспорта. Верно. Но этот «капитал» и не нуждается в экспорте, хотя, разумеется, может и должен путешествовать по всему миру. Его отличают удивительная одаренность и страстотерпение. Такая у него природа. Как, впрочем, и у Толстого, Достоевского и Чехова, которые столь милы твоему сердцу. Не о пресловутой «березке», «родной ниве» и «особом пути» России говорю я. Живи хоть в Манхэттене, хоть в Австралии, но помни, где был и есть твой дом. А без него, без мысли о нем дело не пойдет даже при материальном процветании — скучно станет жить на этом свете и неинтересно. Об этом уже много говорилось и прежде.

Далекий американский друг, постарайся, если сможешь, найти и полюбить «другую» Россию, которая слишком непохожа на сусальный российский Диснейленд. В ней нет пузатых самоваров, бубликов и балалаек, как нет преувеличенных добродетелей и пороков тех или иных политических ряженных («хорошие» ребята против «плохих» ребят) — своего рода русских «шоу-менов». Свой поиск веди, Христа ради, за пределами этого ярмарочного балагана, а именно там, где происходят сложнейшие политические и экономические процессы, где драматическая духовная ситуация постоянно ухудшается, там, где живут реальные люди с реальными проблемами и огромным духовным потенциалом, а не «русские», которые «идут» в Америку, чтобы очистить супермаркеты. Анализ подлинных структур и механизмов развития России требует титанических усилий ученых всего мирового сообщества, а не одних лишь дипломированных «советологов». Но работа эта благородна и жизненно важна для всего мира, а не только для нас.

Пусть же едут к нам американские специалисты, трезво мыслящие, умеющие слушать и размышлять, а не «вещать», зная заранее, «что русским делать надобно». Пусть будет у нас больше американских антрепренеров, хорошо разбирающихся в своем деле и умеющих заглядывать хотя бы в завтрашний день, не говоря о большем. Пусть американское общество приоткроет, наконец, дверь в «другую» Россию и покажет всему миру, что американский интеллект, как научный, так и коммерческий, может проявить себя в невиданной доселе лаборатории социальной модернизации. Ведь теперь недопонимание российских реальностей становится не просто досадным, но и крайне опасным. В том числе и для судеб самой Америки. Согласись. Наконец, пусть каждый ваш доллар, по широте душевной или по расчету дарованный России, найдет свою единственную и только ему предназначенную точку приложения. Ибо в противном случае он может породить в скором будущем не стабилизацию, рост и развитие, а полнейший хаос. Причем, чем больше будет этих «слепых» долларов, тем больше будет и хаос.

Знаю, что для тебя поиски сегодняшней России — непростое дело. Будет трудно. Прежде всего, нелегко избавиться от любимых иллюзий, к которым ты прикипел душой, и старых представлений, полученных в тиши университетов, увитых плющом, и перейти от двухмерной плоскостной картины к многомерному пространству, где все постоянно меняется и в самых непредсказуемых направлениях. Этим, т.е. трезвостью взгляда на вещи и

объективностью, ты сможешь нам помочь ничуть не меньше, чем своими 24 млрд., посылаемыми безадресно, «на деревню дедушке». А уже после этого и будем думать о планах на будущее, давать друг другу всяческие советы и спорить о том, «как нам обустроить Россию».

Тогда и приезжай. А раньше, наверно, не стоит. Положительно не стоит. Когда же, наконец, приедешь, позвони из аэропорта. Я обязательно встречу, до города как-нибудь доберемся. На мое гостеприимство, конечно, можешь всегда рассчитывать. Кое-какую еду найдем тоже.

Будет время, пиши — мне, в «другую» Россию. Договорились? И самое, самое последнее, так сказать, сугубо личная просьба из области стилистики. Если будешь использовать слово «стабилизация», не ставь его в один ряд с выражением «любой ценой». Пусть будет стабилизация, но не любой ценой. Слишком много Россия страдала и страдает от всяческих псевдодостижений, завоеванных любой ценой за счет унижения самых беззащитных и самых талантливых.

А в остальном у нас все в порядке. Не унывай и ни о чем не жалей!

Еще раз спасибо за любовь к России.

Vale!

Твой самый покорный и верный слуга (это тоже из Джефферсона),

Никита Покровский

Н.Е. Покровский — кандидат философских наук, доцент социологического факультета МГУ. Постоянный автор нашего журнала.

18 августа 1992 г.

Санта-Барбара, Калифорния

Дорогой Никита!

Твое письмо застало меня в муках «мини-холеры», весьма характерного набора симптомов, которые сопровождают действие противохолерной вакцины, обладающей 50%-ной силой, по сравнению с «оригиналом». Эта вакцинация представляется разумным мероприятием, если принять во внимание, что в одной из стран «третьего мира», куда я отправлюсь на следующей неделе, холерная эпидемия в разгаре.

Меня подмывает прокомментировать твое письмо пункт за пунктом. Стремление это продиктовано вдохновением романиста, который принадлежит к числу «людей, вдумчиво живущих в этом мире».

Я очень тревожусь, за тебя. И эта обеспокоенность не нова. Она не порождена известным геополитическим хаосом или чем-то связанным с возможным состоянием твоих финансов или здоровья. Скорее всего, это тревога о тебе, тревога, которую мне помогло осознать полученное письмо и которую я чувствовал на протяжении длительного времени и раньше. Ты — человек, исполненный гнева. Отчасти потому, что обостренно восприимчив ко всему и по природе своей справедлив (свойства души, продиктовавшие научный интерес к Торо и Эмерсону), отчасти под влиянием страстей души, поселившихся в тебе, возможно, еще в детстве, о чем, впрочем, я судить не берусь.

Твой гнев и твоя горечь столь же очевидны, сколь и любое чувство, написанное на лице человека. Для меня все это ясно, так как я сам долгое время находился в подобном состоянии (порожденном все теми же страстями души), и поэтому легко и с пониманием распознаю их в тебе. Я младше тебя и, возможно, в этом мире всего повидал меньше — но не так уж и мало, в сущности, — однако и я прошел через свою одиссею духа и сталкивался с вещами, изменить которые, несмотря на неумное желание, прилагаемые¹ усилия и постоянные ночные молитвы, мне было не дано. То же испытываешь сейчас и ты. Все мысли и чувства, столь явственно выраженные, бесспорно, остаются твоим завоеванием, но при этом

они должны подчиняться большему контролю сознания. Будучи твоим старым и хорошим другом, скажу: «Нет ничего, чего бы я хотел больше, чем видеть тебя счастливым, испытывающим удовлетворение от работы на благо твоего народа». Подобная деятельность, по моему мнению, происходит в большей мере внутри человека, а не вне его.

Теперь относительно самих тезисов.

Ты не слишком элегантно по отношению к американцам обыгрываешь тему того, что американский взгляд на бывший Советский Союз наивен и упрощен. Я не буду спорить, ибо твоя мысль столь же очевидна и справедлива, сколь правильно сказать, что у русских наивный и упрощенный взгляд на Америку. Однако помни, что наша наивность, а также простота и немудренность нашей натуры позволили появиться мыслителям, чьим интеллектом ты восхищаешься и которым ты остаешься верен в своем сердце. Возможно, следует признать ошибкой наше неумение видеть вещи в их истинном свете и потерю контроля над ними. Но это все — результат осмысленного выбора, а не примитивности. Русские и американцы обладают романтизированным восприятием друг друга (и это, конечно, надо учитывать, если говорить о серьезных делах между нами в будущем). Но все не так уж бесперспективно.

«Стабилизация», о которой ты неоднократно упоминаешь, относится к числу более каверзных предметов обсуждения. Это объясняется частично тем, что, в отличие от романтизированного восприятия России, стремление видеть ситуацию в вашей стране, стабильной (читай: управляемой) не распространяется на все группы американского общества. Среди нас, например, есть люди, которые думают лишь о достижении США экономических и политических целей в России. Есть и такие, кто совершенно искренне желают русскому народу всех благ в самом высоком смысле слова и готов сделать все, что можно, для наведения демократического порядка в вашей стране. Под этим углом зрения, моральный и политический «пейзаж» в Америке не столь однообразен, и потому не заслуживает резких и необоснованных оценок.

Что касается «скачущего» и переходного характера политических карьер отдельных деятелей современной России, то повремени с обвинением нас в том, что мы получаем удовольствие от идущей в России игры в «политическое домино». Наша общая тоска по стабильности есть, видимо, не что иное, как воспоминание о тех временах, когда мы прекрасно знали, кто в России готовит обед, а кто моет грязные сковородки. К тому же Россия — отнюдь не единственное место в мире, пребывающее в муках социальных катаклизмов. Америка испытывает подобное состояние, которое, правда, отличается меньшим масштабом. Мы стремимся лучше уяснить характер нашего собственного политического «пейзажа», потому что он (как и наше национальное благосостояние, наше будущее, также, по сути, как и в России) тесно связан с тем, что происходит на политической вершине. наших лидеров часто обвиняют в том, что они не доступны для «простых» американцев — мужчин, женщин, детей. На мой взгляд, подобная доступность совсем не то, чего не хватает нашим политикам. Скорее, они нуждаются в полном осознании той связи, которая пролегает между их поступками и нашими жизнями.

Твоя метафора об «усталости металла» производит сильное впечатление, хотя, на мой взгляд, она слишком подчеркивает образ «старой» России — того русского медведя, который, не дрогнув, принимает рогатину в живот, не взирая на отрубленные топором уши, и продолжает устало идти вперед через снега, повергая наземь своих врагов и волоча груз в разбитых санях размером в целую небесную галактику. Воистину, нельзя отрешиться от мысли, что русское сознание по-прежнему осмысливает реальность как тяжелейший и бесконечный путь. Несмотря на твою приверженность к несравненно более легкому для восприятия и более здравому духу американской экологической философии, ты не можешь уклониться от русского менталитета. По моему убеждению, это не пристало ни тебе, ни твоим согражданам, продолжающим пребывать в образе вечных страдальцев. Стряхните с себя эту личину и обретите силу духа и оптимизм, ибо с новым взглядом на мир приходят и жизнелюбие, и творческое решение проблем. Да, знаю, мне легко все это говорить, сидя в уютном домике в солнечной Санта-Барбаре, но, тем не менее, все сказанное имеет смысл. Отнюдь не все значимое в этом, мире должно рождаться через страдание.

Несколько замечаний, касающихся твоего описания русского подпольного сознания в связи с развитием событий «в верхах». Я придерживаюсь того мнения, что (даже в случае евреев и цыган в условиях нацизма — хотя я глубоко оплакиваю их трагическую участь) в мире не бывает *жертв*, существуют только *добровольцы*. В конце концов, сами русские позволили управлять собой и подчинили себя советской машине. Их историческая судьба увенчала их собственный выбор. И сейчас мы с интересом наблюдаем, как поднимается их бешеная и вполне обоснованная неудовлетворенность прошедшим, даже если она временами и рождает чувство ничем не прикрытого отчаяния.

Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов относительно демократии, хотя и чувствую себя гораздо менее свободно, чем ты, в этом предмете. Но ведь, согласишься, некоторое знание системы проистекает из практического существования в ее условиях — в противовес частым, но кратким ее посещениям. В отличие от коммунизма, демократия не рассматривает себя, даже в идеале, как совершенное изобретение. Демократия — грубое дело, подчас несправедливое, в том числе и когда она претендует на обладание полной справедливостью (иногда порождая страшную несправедливость), но она — достойная и закономерная стадия эволюции человечества, и именно та, которую русские не могут не пройти. Человек узнает о себе много нового, когда он обретает свободу (пусть относительную). При этом, должен признать, гражданская ответственность подчас несет с собой страдания, а свобода выбора жестоко ранит.

По поводу общественной морали. Возвращаюсь к уже высказанному выше тезису относительно связи внутренней работы над собой и внешней деятельности. Как ты знаешь, весь мир потешался над нами за Уотергейт, за распутные похождения Гарри Харта, за наши пуританские манипулирования с праведностью и истинностью. Как порождение 60-х годов и как житель Калифорнии, я не признаю ригористичный и моралистичный пуританизм, но согласен, что общественная мораль — нечто значимое. Без общественных образцов слишком многие заблудшие души не видели бы света впереди. Даже самые сильные из нас нуждаются время от времени в руководстве. Не скажу, что меня очень заботит, чем занимаются наши лидеры в своих спальнях или гостиничных номерах, но меня весьма заботит то, как они исполняют свои государственные обязанности. Ты совершенно прав, по моему мнению, поднимая этот вопрос в России.

Ты знаешь очень многое о том, что происходит сейчас в России, я же знаю совсем немного. И все же я убежден: хотя устои мира Достоевского и Толстого могут быть вытравлены и разрушены, сам дух остается. Не торопись списывать его со счетов! Ведь ты же преподаватель и интеллектуал, ты можешь способствовать возрождению прошлого величия, поискам «зерна» духовной силы и мудрости в русском наследии и приложить все это к проблемам текущего дня. Должно быть, пройдет немало времени, прежде чем исчезнет апатия. Есть штамп, который подобно всем другим, содержит долю истины: когда мрак сталкивается со светом, мрак чудесным образом исчезает.

Надеюсь ты повстречал на своем пути «холодных и трезвых американских антрепренеров», которые помогут России найти ее путь в' будущее. Что же касается того, как нам полюбить настоящую Россию, то нет лучшего способа добиться этого, продолжая упорный поиск в *наиболее позитивном направлении*.

Прими мои самые лучшие пожелания,

Артур Розенфельд

А. Розенфельд окончил факультет зоологии Корнелльского университета. Опубликовал монографию о содержании тропических животных в неволе. Был вице-президентом крупной фармакологической компании в Коннектикуте. В настоящее время профессиональный писатель, автор нескольких приключенческих бестселлеров.

Конкорд, Массачусетс
14 июня 1992 г.

«Что такое свобода?» — спросил Американец. «Свобода?» — переспросил Русский. На мгновение он как бы засомневался, не сводя взгляда с Американца, «Свобода, — сказал он, — это знание того, как помочь другому человеку. Это — братство».

Рассел У. Даренпорт.

Дорогой друг!

Прости меня за то, что я использую более простую и более современную форму обращения. Но, подобно тебе, я тоже почитатель Джефферсона и полагаю, что он (и ты, надеюсь, тоже) одобрил бы это повседневное обращение. Друг, дружба... Разве это не то небольшое, что объединяет нас в дни испытаний и нарушения привычного порядка вещей (если, конечно, мы признаем саму возможность надежды на лучшее). Дружба... Что ж, давай сделаем ее отправной точкой нашей переписки, которая, я верю, будет продолжаться. И у нас, на «земле свободных и в обители мужественных», дела идут не блестяще. Столетие и в целом тысячелетие приближаются к завершению — срок, когда, согласно предсказаниям, дракон срывается с цепи и начинает бродить по свету.

Твое письмо, адресованное моим согражданам, я получил. Оно породило множество мыслей. Среди них выделяется одна — мечта, которую навеяло твое послание и которая, я верю, будет возвращаться по мере развития переписки. Главное, что я спешу сообщить тебе, прежде чем эта мысль потускнеет: Америка и, я надеюсь, Американец еще не родились и свет божий. Мы все еще лежим в пеленках. «Земля свободных и обитель мужественных», «жизнь, свобода и стремление к счастью»... Как добросовестный последователь Джефферсона и Торо, ты понимаешь, что я имею в виду.

Ты обсуждаешь, я обсуждаю, весь мир обсуждает «Американскую мечту». Но разве осознаем, что в Новом Свете мы пребываем в сладостных мечтаниях, сон наш не нарушен. Вопрос, который заботит меня (мы обсуждали его во время нашей последней встречи), — как мы, американцы, дети современности, можем отрешиться, наконец, ото сна и трезво взглянуть на нашу мечту, прежде чем она превратится в ночной кошмар, пронизывающий нашу жизнь. Струйки пепла Лос-Анджелеса, этого падшего ангела Америки, поднимаются к небу. Они не исчезли, они никогда полностью не исчезнут. Когда мы, живущие на этой земле, честно признаем, что бедняки «всегда будут с нами» (Новый. Завет), всегда будут частью нашего общества, тогда, мой друг, рано или поздно эти струйки пепла замерцают искрами и устремятся к небесам «мирадами огней», на которые так любят ссылаться составители речей наших президентов. И тогда риторика станет больше, чем теперь: она превратится в реальность.

Главное, что я хочу тебе сообщить и что навеяно твоим письмом, связано с понятием «мужество»... Мужество и надежда, а превыше всего, доверие. Когда я утверждаю, что Америка еще не обрела свою истинную сущность, что она раздражается детским криком в пустыне стремительно стареющего Нового Света, то я подразумеваю и то, что Америка и Американец, тем не менее, обладают потенциалом, будущностью. Но этот потенциал в любой момент может снизиться, и тогда мы, желая оставаться людьми, стремясь стать более человечными, должны поделиться друг с другом нашим мужеством.

Это, мой друг, непростое дело, с какой стороны ни посмотри. Все происходящее развивается внутри, и процесс по большей части незаметен. Он направлен на то, чтобы лишить нас чувства дружбы и гуманности. В твоей стране противник наступает скорее, как бы извне. У нас же — тени исходят из самих наших душ. Именно так. Здесь в условиях кажущейся внешней безмятежности, воистину, поле битвы богов — сердце человека.

Об этих эмпиреях не так легко рассуждать, хотя они гораздо реальнее, чем можно себе представить. Когда мы виделись с тобой в последний раз, я говорил о человеческих страданиях, о словах Торо, согласно которым «массы людей ведут жизнь, полную тихого отчаяния». Торо всегда опирался на личный опыт. И потому он говорил именно о своих согражданах, т.е. о нас. Я уже упоминал тебе про доклад, который прочитал в Германии несколько лет назад. Воодушевленный тем, что сказал о России оратор, выступавший до меня, и тем, как на его слова отреагировала публика, я начал свой доклад. При всем уважении к России, я был несколько опечален тем, что аудитория не проявляет столь же открытого и искреннего интереса к Америке. «Если бы вы признали, — обратился я к собравшимся, — что дичайшая "американизация", которую постоянно "поласкают", причисляя к ней все, от рок-музыки до наших вооружений, есть, по сути, и наша боль тоже, вы взглянули бы на Америку по-другому».

Аудитория внимала мне так, как никогда прежде — не столько потому, что я неожиданно дал ей некий ответ, но потому, что она услышала вопрос, а с ним — и новую перспективу. Я продолжал говорить о непрерывном и неограниченном росте, рассматриваемом многими в Америке как единственная цель бизнеса. Этот рост квалифицируется в медицинских терминах как рак. И он таковым является. Наша этика здесь, на Западе, приобрела потребительский характер и сама стала потребительской, "хватательной". Поскольку большинство наших ученых работают непосредственно для военно-промышленного комплекса или в тесной связи с ним, так называемые потребительские товары стали менее пригодными для настоящего человеческого потребления, а различного рода услуги — все менее и менее «услужливыми».

Да, мы страдаем от недуга, природу которого не осознаем — это кризис философии успеха. По-прежнему, у нас все «прекрасно», «великолепно», «совершенно». Но, тем не менее, мы не осознаем ироничности всего происходящего. О, наша хваленая деловая практичность! Она близорука, неглубока, и потому непрактична для высшего порядка вещей. Нет, этого мы понять не можем, ведь подобные явления нельзя вычислить на домашнем компьютере. И по мере того, как разрушается хребет, на который опиралась западная цивилизация, большинство американцев лишь смущенно отводят взор в сторону и смотрят в неопределенном направлении. Жизнь, исполненная тихого отчаяния...

И все же, и все же, друг мой, я верую, что есть в наших землях и надежда. Ведь, как говорят американцы, если кто-то пожелал, но не смог тебя убить, то он сделал тебя во сто крат сильнее. Мы сможем стать сильнее только, если полностью осознаем, что вся жизнь, простирающаяся вокруг, означает на самом деле. Возвращаюсь к тому, что сказал прежде. Американец рождается не только нагим, он появляется на свет более обнаженным, чем жители других стран. Не далее, как через пять минут после рождения переливающаяся всеми цветами пленка, которая — и об этом знали наши предки — не только предохраняет новорожденного, но и дает ему питание, срывается одним движением скальпеля. Мать находится в бессознательном состоянии; шок слепящего света; зрение мутнеет от неожиданного введения питательных глазных капель; кормление детскими смесями, «обогащенными» всякими добавками, консервантами; затем прививки, подобно всему остальному, насилующие природные силы организма и, по сути, выступающие от лица смерти...

Да, мой друг, в нашей стране мы, воистину, рождаемся нагими и беззащитными. Быть американцами — значит постоянно и гораздо более близко, чем можно себе представить, сталкиваться с силами смерти. Не успеваем мы переступить порог нашего «нового мира», как нас тут же обступают тени и привидения.

Все это продолжается и позднее, в годы нашего детства и отрочества — легкое прикосновение к плечу, словно из пустоты, из ниоткуда, напоминающее о реальности: «Не забывай обо мне. Я здесь». И, как ни старайся, не удастся забыть об этом. Со временем прикосновения небытия становятся настойчивее, а промежутки времени между ними короче... Раз в месяц, каждую неделю, каждый день — до тех пор, пока голос смерти начинаем приходить не извне: он звучит внутри тебя. И, наконец, человек оказывается в ее дружеских объятиях: «Не забывай обо мне. Я емь ты!».

Тихое отчаяние, бесконечная тревога. Коренные жители нашей страны, индейцы, осознавали эту реальность гораздо лучше нас. Они понимали, что смерть не противоположна

жизни, не чужда ей, а напротив, пронизывает жизнь. Именно так. На своих ритуальных собраниях индейцы всегда оставляли почетное место для смерти: от ее имени выступал один из племени. Они знали, что смерть нельзя исключать из контекста жизни, и все попытки добиться этого тщетны и являются дурным знаменем.

Все так происходит и с нами, смерть присутствует в нашем повседневном существовании, в самом укладе жизни на Западе; мы и смерть — не слишком любящие друг друга кровные родственники. Чему же тут удивляться, что мы знаем больше, чем можем понять. Мои мысли возвращаются к одному абзацу рукописи учебника «Подлинное искусство обращения с компьютером», над которым я сейчас работаю: «Нашу тотальную обеспокоенность следует рассматривать вполне серьезно. Следует не столько преувеличивать ее значение, сколько осознать вопрос, заданный самим себе: "Как мы ухитрились породить такую общественную ситуацию, т.е. современное общество, где миллионы граждан — от стариков до детей детсадовского возраста — больше не смотрят с благоговением на огонь семейного очага, а оцепенело приковывают свой взор к мерцанию электронных экранов, излучающих на них, на всех нас высокие уровни радиации?"».

Мы должны сказать себе: «Не только смерть неотделима от жизни, но, в виде различных ядов и отравляющих веществ, она присуща жизни». (Несмотря на наш знаменитый параноидальный страх перед смертью, мы, американцы, способны проникаться ощущением смерти и ее заветами в большей степени, чем в состоянии это осознать... Однако я полагаю, что существует, не может не существовать духовное начало, еще более близкое к нашему естеству, чем сама смерть.)

Зачем я все это говорю, и как все это соотносится с твоим письмом из России? Речь идет о том, что в нашей стране нам не только раскрываются (по большей части бессознательно — через компьютеры, технологии, продукты питания, медицину) таинства смерти, но именно с помощью смерти мы, в итоге, раскрываем для себя жизнь — ту, которую можно назвать живой, витальной. Тьма оттеняет свет, стоит нам только найти в себе силы сосредоточить на нем наше *ведение мира*.

Такова истинная проблема, с которой мы сталкиваемся. Если нам суждено- понять самих себя, то мы сможем понять и других. С этой проблемой нельзя совладать в одиночку. Она требует признания того, что наша надежда на будущее связана с сообществом, начинающимся с минимального (или максимального) объединения хотя бы двух людей. Она требует, чтобы мы научились поддерживать друг друга и быть вместе, противостоять теням, которые будут сгущаться повсюду вокруг нас до тех пор, пока не падут под воздействием нашего просветленного взора. Да, не только законы поэзии, но и законы физики, оптики напоминают о том, что, какой бы ни была темнота, всегда есть место свету, и что «чем ночь темней, тем ярче звезды».

Рассвет приближается, мой друг. Он несет с собой множество сомнений и тревог, о которых ты рассказал в своем письме и которые вызваны внешними событиями, разворачивающимися в твоей стране. Мы же, американцы, все это испытываем внутри себя. И разве не поэтому важно, что мы вместе учимся понимать друг друга и ценить наш жизненный опыт? Я верю, что между Америкой и Россией гораздо больше общего, чем мы подозреваем.

Что же принесет нам будущее? Существует немало теорий на сей счет, раскрывающих лучшие или худшие перспективы. Я предпочитаю сосредоточиться на первых. (Кажется, более чем достаточно сторонников и у второй альтернативы, рисующей грядущее светопредставление.) Ты более чем прав, говоря, что подлинное благосостояние может зиждиться только на доверии народа. Все больше людей в Америке начинают разделять подобное мнение, т.е. отрешаться ото сна и открывать для себя истинную национальную мечту. Я верю, МЛН начинаем понимать, что от нас требуется не столько отстаивание наших прав, сколько признание наших обязанностей; это и есть четвертая власть в обществе — противовес другим властным структурам нашей демократической системы. Но достичь этого невозможно в одиночку. Да, нам надо поддерживать друг друга, мы должны воспламенить нашу надежду и укрепить доверие друг другу — достояние человеческого рода.

Несколько месяцев назад, воодушевленный тем, как ты и твои братья-русские пошли на баррикады и оказали сопротивление попытке путча, рано утром на обрывке бумаги я набросал несколько строк: «Нечто, или лучше сказать, некое духовное начало поддержало небольшую группу китайских студентов на площади Тяньяньминь... Нечто, или лучше сказать, некое духовное начало, подняло вывело из тюрьмы драматурга и поместило его в президентский дворец в Праге... Духовное начало смело с лица земли неприступную стену, разделявшую две Германии... Духовное начало отбросило танки от Белого дома в Москве... И, будучи детьми своей страны, мы смотрим на приближающееся празднование 500-летия вторичного открытия Америки, все еще принадлежа к Новому Свету. Пусть же мы откроем наши сердца и души волнам, которые накатываются на наши берега»,

Что затронуло меня глубже всего в твоём письме — это сам факт твоего открытого обращения, стремление честно высказать все. Начало твоего письма рисует образ человека, который в водовороте хаоса смог сдержать на несколько драгоценных часов границы наступающего мрака и, сидя за письменным столом и стремясь «рассказать о житье-бытье в России», внести в этот абсурд искру света.

Так оно есть и всегда будет, мой друг: свет и тьма, мрак и свет — темнота оттеняет свет. Мечта о будущем и воспоминания о прошлом одновременно приходят ко мне... Давно прошла наша революция. Назревала гражданская война XIX века. Многие надеялись, что она никогда не произойдет; но этому не суждено было случиться: она произошла. И все же надежда оставалась. Я не знаю, что поддерживало в твоих согражданах надежду в критические моменты истории, но хочу прочитать тебе одно стихотворение. Его написал немецкий горный инженер Новалис, который погружался в глубины тверди, в темноту бытия, чтобы найти там ... свои небесные звезды, свое вдохновение. Его непросто перевести, это поэзия прошлых времен. Перед нами — послание мира, уступающего место духу:

«Тебя, Мария, с любовью воплощенной.
Я лицезрел на тысячах картин.
Но ни одна из них не может передать свой лик,
Который душа моя рисует.
Но стоит мне узреть твой образ, и смертные судороги мира
Уходят прочь, воцаряется мечта.
И несказанно блаженные хляби небесные
Навечно поселяется в душе моей».

Сохрани эту картину, друг мой, сохрани в сердце своем это видение, одно из тысяч других. Помнишь, как мы оба и многие другие собралась в Конкорде, этом живом воплощении Америки, и молча стояли у статуи Пиеты. Она олицетворяла не открытую борьбу страстей, не воспоминание о революции или гражданской войне... Она воплощала революцию духа и сострадание.

С этим образом я оставляю тебя. С этим образом и еще одним вопросом. Ты пишешь, что не хочешь быть страстотерпцем. Отчего так? Разве не достоин любви и уважения страстотерпец, истинный страстотерпец?

Ты любишь говорить: «Не будем ни о чем сожалеть». Конечно же, не будем. И еще. Спасибо за любовь к Америке. Твои слова остались в моем сердце; я вскоре отвечу.

Стюарт

С. Уикс — литератор, эстетик, директор Института американских исследований в Конкорде, штат Массачусетс.